

Не всякому художнику удается такая Масленица

Российская газета. - 1999 - 27 февр. - с. 8

Неделя, которая заканчивается завтра, по праву может быть названа Михалковской. Критики, журналисты, политики, общественные деятели сходились в ожесточенных спорах о его картине "Сибирский цирюльник", пытаясь увидеть в ней то шедевр мировой кинематографии, то рекламный политический продукт, то попытку Михалкова утвердиться в своих притязаниях на президентский пост. В том, что равнодушных не было, есть некая знаковая, позволяющая судить и о таланте Никиты Михалкова-режиссера, и о неординарности Никиты Михалкова-общественного деятеля. Мы знаем, что российский зритель пока не успел посмотреть фильм, вызвавший столько разговоров. Но мы можем приблизить к будущему зрителю "Сибирского цирюльника" (а после мировой премьеры, очевидно, все же будет растянутая во времени всероссийская премьера фильма) человека, сделавшего этот фильм, — кинорежиссера, народного артиста, лауреата премии "Оскар" Никиту МИХАЛКОВА.

— Никита Сергеевич, скажите откровенно, вы были готовы к такой разнголосоции мнений после премьеры "Сибирского цирюльника"?

— Конечно, я совершенно точно знал, что будет много разного написано и сказано. Это нормально. Так и должно быть.

— Нормально даже то, что на фильм нападают и говорят довольно резкие вещи?

— Вы знаете, меня в последнее время удивляет маниакальное желание некоторых журналистов вывести меня из себя, заставить обратиться в суд. Что только ни пишут: и непотопляемый маэстро, и циник, каких мало, и т.д. и т.п. Но не выйдет, для меня существует один критерий: мои взаимоотношения с моей совестью и Господом Богом. Я не буду раздвигаться, не буду оправдываться, пусть пишут, что хотят.

— И все равно домыслы относительно вас строят довольно часто.

— Да я уже привык, что в моих поступках, словах пытаются найти что-то такое, чего в помине нет. Сделал на телевидении "Русский стандарт" — сказали, что это начало предвыборной кампании. Снялся царем в "Сибирском цирюльнике" — говорят потому, что хочу стать царем. Выходит, если человек всю жизнь играл злодеев и фашистов, то хочет стать злодеем и фашистом в жизни? Это уничижительно для художника, когда художественное произведение просчитывается как политическая акция. Политика меняется, а художественное произведение должно оставаться. Я никогда ни одной картины не делал ради политики, а поэтому, наверное, во времена СССР не имел ни одной премии от своего государства в отличие от тех, кто делал политику на своем творчестве. У меня есть чувство собственного достоинства. И я думаю, не случайно "Сибирский цирюльник" — фильм прежде всего о внутреннем достоинстве.

— Многие критики, и не только критики, полагают, что ваш фильм сделан с прицелом на получение "Оскара". Вы с этим согласны?

— Никогда не работал ради каких-то наград, даже очень престижных, никогда наград не ждал

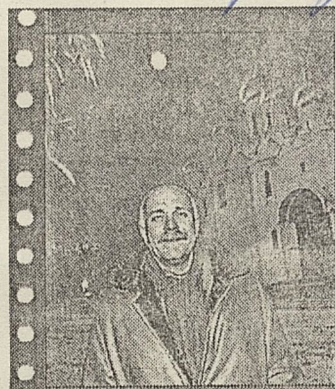
и на них не рассчитывал. Хотя многие почему-то считают, что картина сделана с длинным прицелом. Она, и правда, с длинным прицелом — сценарий начали писать 12 лет тому назад, начала съемок ждали аж десять лет. Я думаю, ясно, что в этой картине нет и не может быть сегодняшней конъюнктуры. Что же до "Оскара", то я бы взял любой, вот только кто ж мне его даст?

— Некоторые политические деятели в каждом вашем шаге видят желание стать президентом России. Вам даже приписывают слова, подтверждающие это желание. Что вы думаете по этому поводу?

— Поверьте, мне не то чтобы предлагать себя, даже обсуждать за два года до выборов, кого я буду поддерживать в президенты, нелегко. Не потому, что я боюсь обнародовать свою позицию, хотя мне это чувство страха знакомо: мне было страшно, физически страшно, когда я дружил с Рутким и не мог отречься от этой дружбы. Мне неудобно говорить о будущих выборах, когда есть действующий Президент, которому еще полтора года находиться на посту. К тому же я не вижу никого из тех, кто мог бы безоговорочно принять участие в выборах и стать президентом (хотя, если бы даже этот человек и был, я все равно не стал бы ничего обсуждать). Когда я увижу человека, для которого власть — крест и обуза, но он должен идти во власть, я буду поддерживать его обеими руками. Тот, для кого власть — наслаждение, вождь, мечта, не сможет рассчитывать на мою поддержку.

— Каким должен быть человек, которого вы, скажем, могли бы взять в свою команду?

— Я думаю, что это может и должен быть человек самодостаточный, который трудится, выживает сам и помогает выживать окружающим, который не боится взять на себя ответственность за тех, кто работает вместе с ним. Я хотел бы собрать вокруг себя людей, которые находятся в привилегированном положении с точки зрения финансов потому, что они умеют делать дело и ориентируются в пространстве из интересов

"45 миллионов долларов — не слишком ли велика плата за локальную национальную идею?"

"Это — народное кино, даже международное. И таких фильмов-акций должно быть много".

"Это фильм о том, что мы стали забывать — о любви, о бесценных человеческих взаимоотношениях".

"Самое главное, что это русская картина".

дела, а не из личных корыстных интересов.

— Вы ощущаете, что общество устало, вы отдаете себе отчет в том, что собрать энергичных и деловых — задача не из легких?

— Усталость общества очевидна. Причем одни устали от мыслей о том, как прожить, а другие — от постоянного солнечного ощущения вечного праздника. Я хотел бы дать высказаться людям, которые научились выживать, чтобы они своим примером побудили к работе и выживанию других.

— У нас много политиков, которые говорят очень хорошо, но мало что меняется от их слов.

— Достоевский понимал политику очень просто: он говорил, что это всего-навсего любовь к родине. Если вдуматься, ничего проще, чем сказать нельзя. И те в политике, кто не умеет любить родину, не понимает, что политика — это не только разговоры, — те не политики.

— Тем не менее чем больше говорит политик, тем больше мастеров культуры примыкают к нему, идут за его партией или движением. Что для художника означает близость к власти, почему некоторые мастера культуры так стремятся к этому?

— По разным причинам. Для одного главным становится возможность улучшить свое благополучие, получить честолюбивую радость от того, что он сидит рядом с начальником, для другого главным ставится вполне понятное человеческое желание выдвинуться и что-то тоже (пусть не материальное) получить от этого выдвижения.

— Мастера искусств могут быть вообще вне политики?

— Этот вопрос в большей степени не имеет ответа, потому что вне политики может быть только тот, кто не соприкасается с живой жизнью. Хотим мы этого или не хотим, но мы не можем не высказываться по поводу того, что происходит вокруг. Мы зависим от окружающего, и то, что мы делаем, выражает наше отношение к происходящему. В словаре русская интеллигенция определена как группа людей, которые по любому поводу имеют собственное мнение. Так вот, позиция мастера культуры и определяется способностью, иметь или не иметь собственное мнение по каждому поводу. Вопрос лишь в том, насколько все равно, кому служить. Чаще всего отсутствие внутренней стержневой культуры мешает ответить на вопрос, ради чего люди примыкают к тому или иному движению. К сожалению, некоторые уже даже не пытаются ответить на этот вопрос, и тогда нет ни позиции, ни профессии.

— Вы входили в НДР, почему?

— Его задача совпадала с моим желанием объединить вокруг себя дееспособное население, тех людей, которых я уважаю за то, что они пытаются обустроить Россию.

— Недавно прошел слух, что вы хотите возглавить это движение.

— Не собирался и уж точно не собираюсь этого делать. Я вообще не буду возглавлять или создавать какие-либо партии. Я сам себе партия, и толкать перед собой партийный интерес — не мое дело. У меня есть своя ниша, свое место, свои ощущения, товарищи, которые, я верю, меня уважают. Поэтому выхожу на шахматную доску политической борьбы с теми, кто посвящает этому свою жизнь, я не буду. У меня достаточно сильные личные позиции.

— Говорят, что "Сибирский цирюльник" предлагает не больше, чем национальную идею объединения России. В то же самое время находятся те, кто, введя в кадр, пытается разгадать, что же означает разделение героев на серую массу в шинелях и блистательного царя.

— Вы знаете, я однажды выступал в клубе кинолюбителей в Пушкине. Очаровательная публика: ученые-физики, которые любят смотреть кино. Но пытались разгадать творческую лабораторию мастера, они смотрят кино, разделяя между собой зрительские обязанности: один смотрит за звуком, другой — за планом,

третий — за цветом и т.д. Посмотрев таким образом кино, они суммируют точки зрения, считают, будто поняли о чем речь, и потом спрашивают: вот у вас на крупном плане героя — разбитое окно за его спиной, что это значит? Смешно. Так же смешно считать, что я разделяю в фильме персонажей на людей в шинелях и царя. Если кто-то увидел такое в моем фильме, значит его представление об искусстве совершенно однозначно вписывается в представление об истории, которое мы получили в детстве еще в советской школе. Я в своем фильме хотел показать Россию, какой она может быть в будущем, имея в виду достоинство, масштаб, широту и самодостаточность людей, которые живут и работают в России.

— Известно, что в начале картины должен был сниматься другой оператор — иностранец. Что заставило вас сменить его на Павла Лебешева?

— Когда мы приехали в Красноярск, начали снимать картину, я пришел в Дом-музей своего прадеда Сурикова и уговорил директора музея разрешить мне там переночевать. Ощущения, которые были у меня тогда, передать невозможно. Но я сам был позже изумлен: когда мы посмотрели фотографии Масленицы, которые снял Лебешев, я вдруг по внутренней насыщенности изображения увидел, вновь почувствовал, что пережил в доме своего прадеда. И тогда я понял, что любому другому иностранцу-оператору мне придется долго объяснять, что такое Масленица, что такое Сибирь, что он не поймет с полуслова меня, когда я скажу "Петров-Водкин" или "Кустодиев", а с Лебешевым мы понимаем друг друга по взгляду, у нас какое-то

бесобое ощущение друг друга. Тогда и было окончательно принято решение о том, кто будет снимать картину.

— Когда Россия увидит "Сибирского цирюльника"?

— Мы хотим, чтобы страна увидела фильм на нашей хорошей аппаратуре, на нашем хорошем экране, с помощью нашего хорошего оборудования. Я думаю, это в конце концов поможет нашему национальному кинопрокату восстановиться, а людям поверить, что и в России могут быть хорошие фильмы, хорошие кинотеатры, хороший экран, хороший звук.

— Что бы вы посоветовали российским зрителям, которые придут на "Сибирского цирюльника"?

— Мне кажется, художника можно судить только по тем законам, по которым он работает, а не по каким-то другим. Это не моя мысль, она принадлежит Александру Сергеевичу Пушкину. Если подходить к нашей картине, как к политической акции или предвыборной кампании, то никогда не удастся почувствовать ни нас, авторов фильма, ни то, что мы хотели сказать, ни то, чем мы живем, ни то, чем мы хотим жить. Поэтому всем советуем: смотрите картину так, как она сделана.

Виктория МОЛОДЦОВА.